

ЖАК ДЕРРИДА

Сопротивления психоанализа¹

Уведомление

Да, это три эссе о психоанализе, но прежде всего три эссе о логике особого спаривания: действительно, два сопротивления сопрягаются (по крайней мере, такова гипотеза), опираются друг на друга и, возможно, до сих пор сменяют друг друга или объединяются, вступают между собой в неясный сговор.

С одной стороны, это в который уже раз возврат к сопротивлению *психоанализу*. Сопротивление нарастающее и часто новое в своих социальных и институционных формах. Чему тысячи свидетельств. Всё происходит так, будто раз психоанализ усвоен и одомашнен, теперь о нем можно забыть. Он становится таким просроченным лекарством на аптечном складе: может пригодиться, если приспичит или выйдут все лекарства, но с тех пор изобрели кое-что и посильнее! Кто не видит сегодня этого сопротивления, порой изощренного и утонченного, изобретательного или высокомерного отрицания, часто прямого и категорического, как и сама европейская культура, единственная, собственно, которая оказалась отмеченной психоанализом и которая его, кажется, отвергает, боится, не узнаёт сегодня, когда прошла — такая, впрочем, скоротечная — на него мода? Наверняка, можно было бы рассмотреть возврат этого сопротивления психоанализу, используя фрейдистский разбор «сопротивления анализу». Эти три эссе не идут этим путем.

Ибо иное сопротивление, с другой стороны, с самого начала расположилось как своего рода самоиммунитетный процесс, в сердце психоанализа, и уже в самом фрейдистском понятии «сопротивления анализу»: определенного сопротивления *психоанализа*, как мы его знаем,

¹ Доклад, прочитанный в Сорбонне на франко-перуанской конференции, организованной Международным философским коллежем, Страсбургским и Тулузским университетами с 30 октября по 6 ноября 1991 г. о «Понятии анализа». Ему предшествовал доклад Мигуэля Джугсти. Ранняя версия опубликована в материалах конференции: *La notion d'analyse*. — Toulouse: PU du Mirail, 1992. Мы публикуем здесь перевод первой части первого из трех эссе, объединенных в книге *Derrida J. Résistances de la psychanalyse*. — Galilée, 1996.

в общем сопротивлении самому себе, столь же изобретательного, как и то, другое. Протягивая психоанализу руку помощи против его воли, оно, быть может, задает расклад, свойственный нашему времени.

Будучи пролегоменами к анализу этого расклада, эти три эссе были сначала «докладами», набросками «лекций»: о Фрейте, Лакане и Фуко.

Сопротивления

Нужно ли сопротивляться?

И для начала — анализу?

Если нужно сопротивляться анализу, то сначала нужно выяснить, откуда происходит и что означает это «нужно». Сперва нужно его проанализировать.

Существует ли «сопротивление психоанализу», как утверждают психоаналитики? Кстати, по поводу этой темы, сопротивление психоанализу, можно задать вопросом, почему сами психоаналитики, как кажется, поднимают вокруг нее меньше шума, как если бы, будучи обвинены — более или менее заслуженно — в чрезмерном ею злоупотреблении и в слишком поспешном триумфе над любыми вопросами и возражениями, постоянно отклоняемыми после *экспресс-анализа* [analys'express] как симптомы сопротивления, психоаналитики отступили и готовились к другим дебатам.

Оставим здесь эту тему, отнюдь не только социологическую. Снова поднимая вопрос о сопротивлении анализу, попробуем пойти против течения и, может быть, немного посопровивляться.

Нужно ли — и если да, то как — анализировать сопротивление анализу, если таковое имеется, а также само это «имеется» [«il y a»]? Значит, нам понадобится анализировать одно «нужно», одно «имеется» и для начала узнать, не сопротивляется ли то, что сопротивляется анализу, еще и аналитическому концепту «сопротивление анализу». Всегда ли любое «сопротивление анализу» *сводится* к интерпретируемому статусу, которое за ним признает и которое анализирует аналитическая теория? Существует ли другое сопротивление? Нужно ли другое понятие сопротивления — и анализа? И сопротивления анализу?

Вот уже набралось достаточное количество «нужно», «имеется» и «сопротивлений», из которых организуются вокруг предварительно опорного смысла *анализа*, а именно того, что фиксируется — во французском языке больше, чем в других — в слове «психоанализ». Если не ошибаюсь, только по-французски с такой легкостью говорят «анализ» вместо «психоанализ». История формирования этой идиомы заслуживала бы отдельного рассмотрения.

Но я бы хотел поделиться с вами идиоматическим, я бы сказал почти идиосинкретическим, интересом к слову «сопротивление». Речь идет в общем о том во мне, кто научился говорить «я», лишь культивируя идиому², в которой (по причинам, которые я не могу толком объяснить, но собираюсь прояснить с вами сегодня вечером, как если бы я был здесь с вами *на анализе* [enanalyse³]) слово «сопротивление» играет не последнюю роль. Я всегда, сколько себя помню, люблю это слово. Почему? Как можно культивировать слово «сопротивление»? И хотеть спасти его любой ценой? Против анализа, конечно, но и *без* анализа и *от* анализа? И от перевода? Ибо франко-латинское слово *résistance*, я люблю его прежде всего за то, чем оно сопротивляется переводу и даже, для меня, переводу на французский и прозрачности во французском, в моем «собственном» языке.

Почему и как это слово, которое звучало сначала в моем желании и воображении как самое красивое слово политики и истории этой страны, почему это слово, нагруженное всем пафосом моей ностальгии, как если бы я ни за что на свете не хотел упустить, когда надо было пускать под откос поезд, взрывать танки и штабы между 1940 и 1945-м, почему так случилось, что это слово, как магнит, притянуло к себе столько других значений, качеств, семантических и диссеминированных возможностей? Я даже вам их назову, хотя я и не в состоянии вычленил тайну моей безутешной ностальгии — которую, стало быть, еще надо проанализировать или которая сопротивляется анализу, наподобие пуповине [ombilic] сна⁴.

Почему я всегда видел в снах / мечтал о сопротивлении? И зачем нужно беспокоиться в этой связи о пуповине?

Кажется, всё предвещает (но не слишком беспокойтесь) этакий доклад о слове «сопротивление», самодовольное такое пупоцентричное рассмотрение одного французского слова, его укорененности в историю этой страны и, хуже, моей нескрываемой любви к этому слову, а может быть, и к самой вещи — или рассмотрение *моего* сопротивления анализу. Не обещаю вам вовсе не поддаться искушению, но попробую попутно

² Во французском языке слово *idiome* означает как идиому, идиоматическое выражение, так и местный говор, наречие, диалект, или даже индивидуальный способ речевого поведения, идиолект. — *Прим перев.*

³ Неологизм Деррида, впервые употребленный, по-видимому, в «Почтовой открытке» (*La carte postale de Socrate à Freud et au-delà*. — Paris: Flammarion, 1980. P. 218), правда, в ином написании: *ennalyse*. — *Прим перев.*

⁴ Имеется в виду фрейдовская идея о некоторой центральной точке сновидения, связанной с неизвестным или непостижимым, и поэтому не поддающейся пересказу и истолкованию: «Это — пуп сна (*der Nabel des Traumes*), место, в котором он уходит в непостижимое», *Толкование сновидений* (1900), *Gesammelte Werke* (далее *GW*), Fr. a. M.: Fischer, II–III, S. 530; см. также S. 98n. 2, комментируемую ниже). Этот термин затем многократно упоминался и комментировался у Лакана (например, в Семинаре 23 «Синтом», 1975/6). — *Прим перев.*

предложить вам и какие-то другие вещи: как можно менее идиоматичные, они ответят, надеюсь, и на название, и на обязательство этой конференции, на общее понятие анализа, и прежде всего на прекрасный доклад Мигуэля Джусты.

Пока я повторяю более или менее свой вопрос: зачем грезить о сопротивлении? И нужно ли беспокоиться о пуповине какого-то сна?

1. Вкус некоторого раствора/решения

Мигуэль Джусты начал с цитаты из Гёте: чтобы вытянуть из нее первые путеводные нити по поводу того, что развязывается анализом, *анализом* как развязкой, разрешением, распутыванием, высвобождением, даже освобождением, — а значит, не забудем это, и как раствором/решением [solution]. Греческое слово *analuein*, как известно, означает развязывать и, следовательно, расторгать связь. К нему приближается (или даже его переводит) латинское *solvere* (отвязать, облегчить, упразднить или оплатить). *Solutio* и *resolutio* имеют одновременно смысл роспуска, расторгнутой связи, расторжения, выплаты (скажем, долга) и решения проблемы: объяснения или обнаружения. *Solutio linguae* — это развязанный, распущенный язык.

Поскольку Мигуэль Джусты упомянул *geistiges Band* [духовную связь] Гёте, я позволю себе упомянуть в свою очередь другого большого читателя Гёте, много его цитировавшего, как и Хайдеггер, с которым он делит, по крайней мере, этот неоплатный долг и вместе с тем и другие, менее заметные, обязательства. Говоря о пуповине сна по поводу «Сна об инъекции, сделанной Ирме», Фрейд признаётся в некотором ощущении, предчувствии (*ich ahne*, говорит он). Признание находит свое естественное место в сноске⁵, добавленной с некоторым опозданием. И по тону, и по статусу эта сноска вполне соответствует признанию. Означает она угрызения или раскаяние, так или иначе сноска предстает пусть и задним числом, но как таковая — для анализа. Она приглашает читателя в свидетели, будто обращается к исповеднику или к какому-то трансферному адресату (кто-то скажет: «к аналитику»), если предположить, что читатель им не является всегда. Фрейд предчувствует (*Ich ahne*), следовательно, что нечто превосходит [*excède*] анализ. Истолкование, аналитическая расшифровка, *Deutung* того или

⁵ Вот полный текст этой сноски (в нашем переводе. — М. М.): «Я предполагаю, что толкование этой вещи не доведено достаточно далеко, чтобы проследить весь [ее] скрытый смысл. Но продолжи я сравнение между тремя женщинами, это бы увело меня далеко в сторону. У каждого сна есть по меньшей мере одно место, в котором он бездонен, некий пуп, через который он связан с непознанным» (*Ich ahne, daß die Deutung dieses Stücks nicht weit genug geführt ist, um allem verborgenen Sinn zu folgen. Wollte ich die Vergleichung der drei Frauen fortsetzen, so käme ich weit ab. Jeder Traum hat mindestens eine Stelle, an welcher er unergründlich ist, gleichsam einen Nabel, durch den er mit dem Unerkannten zusammenhängt*), *GWII–III*, S. 98 n. 2. — *Прим перев.*

иного фрагмента не пошли достаточно далеко: скрытый смысл ([der] *verborgene Sinn*) превосходит анализ. Скажем пока, что смысл *превосходит* анализ, а не что смысл *сопротивляется* анализу: концепт сопротивления анализу действительно имеет совсем другую сферу приложения и относится к другому коду внутри фрейдовского дискурса, хотя и (мы еще к этому вернемся) появляется в том же контексте и связан с этим превосходством / избытком.

В этой сноске Фрейд, кажется, не сомневается ни на мгновение: это скрытое нечто обладает смыслом. Смысл этот иногда предстает тайным или скрытым ([der] *verborgene Sinn*), но то, что пока остается недостижимым, всё же обязательно пронизано смыслом. Недоступная тайна — это смысл, полнота смысла. Иначе говоря, тайна пока отказывает анализу, но будучи смыслом, она анализируема, она гомогенна порядку анализируемого. Она находится в ведомстве психоаналитического разума. Психоаналитического разума как разума герменевтического. Я подчеркиваю эту черту, проблематизирую ее; я надеюсь, что иду в этом навстречу Марио Джусту, хотя и иду, как часто это делаю, криво. Я бы хотел примкнуть к нему в том месте, где, ближе к заключению, он упомянул «противоречивые современные голоса», которые вступают, я цитирую, «в обсуждение самого смысла рациональности, то есть в спор о смысле, границах и иллюзиях разума», в обсуждение, которое — продолжает он — можно было бы «интерпретировать как *топическое*, продолжающее упражняться в диалоге с традицией, которую Аристотель называл искусством диалектики».

Чтобы начать самым предварительным образом, отметим в одном своеобразном пассаже из «Толкования сновидений» некоторые вопросы, которые могли бы вывести нас на то, что можно назвать фрейдовскими аналитикой, топикой и диалектикой. Я не буду прямо обсуждать (как слишком редко делается во Франции, но больше в англосаксонской аналитической среде) неявную эпистемологию Фрейда, модели его анализа, аргументации и доказательства, логику его доказательств, его риторику и нарративу и, если хотите, его аналитику и диалектику. Но, не делая этого прямо, я надеюсь уточнить, опять-таки с фланга, то, что может быть принципом такой задачи. На горизонте мы будем удерживать вопрос о том, вписывается ли психоанализ, идея анализа, которая дала ему имя, подобающим ему образом в историю разума, в то, что в ней обсуждается между аналитикой и диалектикой.

Эта аналитическая забота (отдать себе отчет в смысле, будь он даже и скрытым — *der verborgene Sinn*) смешивается здесь с *герменевтическим* влечением или императивом, а по сути с самим принципом разума в его предписании «отдать отчет» [*rendre raison*], *reddere rationem*, любой ценой. Его обязательно нужно *отдать* [*rendre*]. Верность смыслу, должностничество, долг, обязательство вернуть должное, вернуть смыслу смысл — всё это кажется весьма примечательным тем более, что Фрейд вскоре радикализует свою позицию. Он перейдет к обобщению, сделает еще один шаг. И вот тогда-то он и назовет пуповину сна.

Этот шаг будет по сути прыжком.

Я не скажу ничего нового по поводу «Сна об инъекции, сделанной Ирме». Смысл этого текста, если не сна, я подчеркиваю, смысл этого текста, если таковой имеется, был давно исчерпан в гигантской аналитической литературе, которая во всем мире подвергла его всесторонним вчитываниям и вычитываниям. В нем, кажется, не осталось ничего скрытого или тайного. Мое единственное алиби, единственное, что я могу сказать в оправдание невинности или свежести моего скромного прочтения, — это что оно, мое прочтение, занято, может быть, как раз чем-то иным, чем самим смыслом, а значит и чем-то иным, чем анализ, определенный анализ, чем-то, что в каком-то другом смысле, может быть, сопротивляется анализу, определенному анализу. Я не претендую здесь на то, чтобы кого бы то ни было чему бы то ни было научить, но скорее на то, чтобы заново поставить вопрос о смысле и анализе, об определенной детерминации смысла и анализа, и сделать это на примере, на образцовом в отношении анализа примере определенного раствора-решения (Lösung).

Итак, Фрейд замечает, что анализ этого фрагмента не был проведен (geführt) достаточно далеко: имеется, следовательно, некоторый запас смысла и движения, чтобы пойти дальше. В этом моменте Фрейд делает *два* увлекательных (если не сказать увлечённых) *замечания*, пересечение и разнородность которых заслуживали бы бесконечного анализа. В тексте оригинала два этих замечания разделены точкой и тире, опущенными во французском переводе, во всяком случае, в первом, который поэтому сразу нужно отложить в сторону, если нас заинтересовал этот отрывок.

Первое замечание: жена Фрейда между тремя и четырьмя

Следует задержаться на миг на том, что Фрейд говорит по поводу *квадрата женщин*. В порядке запаса смысла и временно прекращенного анализа Фрейд странным образом замечает, что если бы он продолжил сравнение (Vergleichung) трех женщин, он бы обязательно запутался. Почему? Он этого не говорит или не говорит по-настоящему. Почему он подвергся бы риску заблудиться? Почему он в этом уверен? Почему он боится того, в чем кажется столь уверенным? Почему он сбился бы с пути, сравнивая трех женщин? И прежде всего откуда он это знает? Откуда он может знать, что сообразится, там, где он сам признаётся или делает вид, что признаётся, что не дошел достаточно далеко?

Уже здесь, в этом самом месте, можно говорить о сопротивлении анализу. Впрочем, в корпусе таким образом прокомментированного текста, там, где Фрейд вставляет сноску, он сказал чуть больше, совсем чуть-чуть, о своем собственном сопротивлении, но указав, что этих трех женщин объединяло как раз сопротивление анализу. Прочитаем этот

абзац. Известно, что Фрейд подвергает здесь анализу свой сон, который он в конечном итоге предъявит как свою апологию по известной логике кастрюля (1. Кастрюля, которую я тебе возвращаю, целая. 2. Дырки в ней были уже, когда я ее у тебя взял. 3. Кстати, я никогда ее у тебя не брал). Я напоминаю, что *в принципе* после полного анализа (nach vollendeter Deutungsarbeit) любой сон предстает осуществлением желания. Фрейд повторит это, поскольку это несколько усложнится, особенно в «По ту сторону принципа удовольствия», и тем сам усложнит, как мы увидим, вопрос о смысле. А значит, об анализе. Полный анализ, — говорит нам пока Фрейд, — обнаруживает тайный смысл сна как осуществление желания. Но Фрейд тут же настоятельно уточняет, что он не претендует на полное обнаружение смысла этого сна (den Sinn dieses Traums). Он вовсе не утверждает, будто его толковательный анализ не имеет пробелов (lückenlose). Тем более, что в сноске на предыдущей странице он уточнил, что, разумеется, не счел нужным приводить нам всё, что пришло ему в голову во время интерпретативной работы. Но столь же принципиальным образом и еще прежде, чем процитировать абзац о трех или четырех женщинах и их общем сопротивлении анализу, мы должны напомнить, что всё здесь одновременно *концентрируется* и *растворяется* в *растворе* (Lösung), а именно в химическом растворе, но также и (и Фрейд учитывает это значение в интерпретации своего сна) в решении (Lösung, то же самое слово) проблемы, в решении аналитическом. Это решение распутывает, разрешает, а то и упраздняет, развязывает симптоматический или этиологический узел. Одно и то же слово (раствор, аналитическое (раз)решение, Lösung) употребляется для лекарства и для окончания анализа. И Фрейд во время своего сна ставит Ирме, ее сопротивлению анализу, в упрек то, что та не приняла *его раствор-решение* [sa solution]. Он сам это говорит: «Я попрекаю Ирму, что она не приняла мое решение; я ей говорю: если тебе еще больно, то ты сама в этом виновата (deine eigene Schuld)». Он говорит это ей во сне. Во сне он высказывает этот упрек и, следовательно, отказывается простить ей ее долг, извинить ее вину (Schuld), а именно — в том, что она не приняла предложенное решение. Ибо в этой *вине* виноват пациент, за нее он отвечает, то есть через этот свой проступок он ею связан.

Пóходя, рассказав эту историю со сном, Фрейд замечает (и это еще одно признание бодрствующего Фрейда): «Я мог бы ей это сказать наяву, я, может быть, это ей и сказал. Тогда я думал (с тех пор я признал, что ошибался), что моя задача ограничивается тем, чтобы сообщать больным скрытый смысл их симптомов (den verborgenen Sinn ihrer Symptome); примут они потом или нет это решение (Lösung), от которого зависел успех лечения, за это я уже не отвечал (nicht mehr verantwortlich)».

Иначе говоря, я отвечаю за аналитическое решение (Lösung), но не за сопротивление больного, который может его отвергнуть и который, следовательно, будет единственным, ответственным за сопротивление и виноватым в нём. Здесь опять-таки Фрейд признаётся в ошиб-

ке. К счастью, он преодолел ее с тех пор, говорит он нам; она просто облегчила ему жизнь. И вот здесь и помещен абзац, который крутится вокруг трех женщин, *подлежащих сравнению*, целый механизм прощений и опал, к которому нужно прибавить и некоторое четвертое измерение, термин для четвертого действующего лица: для собственно жены Фрейда. Не только потому, что сон предвосхищает (Фрейд отмечает это) день рождения жены, в ходе которого пара принимает массу приглашенных в большом зале Бельвию — в том числе и Ирму. Но и потому, что — снова в сноске — Фрейд добавляет к гувернантке, бывшей некогда его пациенткой, и к близкой подруге Ирмы, которую он только что упомянул, третьего персонажа (т. е. четвертого, если считать Ирму, — и я бы сказал, пока догматически и эллиптически, что то, о чем я хотел бы говорить сегодня под вывеской различных сопротивлений, сопротивления анализу, определенного сопротивления определенному анализу, есть переход через развязывание узла *от трех к четырем*). Этот третий-четвертый персонаж — его жена, день рождения которой приближается.

Еще не объясненную жалобу по поводу болей в животе следует связать также с этим третьим лицом. Речь идет, естественно [natürlich, которое выпало во французском переводе], о моей собственной жене. Эти боли напомнили мне один случай, когда мне вполне ясно предстала ее стыдливость. Должен признаться [mir eingestehen: еще одно признание], что я в своем сне не очень-то мило обошелся с Ирмой и своей женой: но заметьте в мое извинение (zu meiner Entschuldigung), что я применяю обеих к идеалу послушной и податливой пациентки (am Ideal der braven, gefügigen Patientin).

Эта сноска предшествует другой, об omphalos сна. А вот и сам абзац:

Итак, я сравнил мою пациентку Ирму с двумя другими лицами [одно из которых по умолчанию напоминает ему его жену], которые оба оказали лечению определенное сопротивление [sträuben, восставать, вставать дыбом, сопротивляться, этот глагол Фрейд часто использует, как он это сделал выше в рассказе о сне, применив его к нежеланию Ирмы открыть рот, подобно женщинам, носящим зубные протезы, которых просят принять его Lösung]. Почему во сне я заменил ее на ее подругу? [Почему — т. е. «что это означает?», «какой смысл это может иметь?», «Was kann es für Sinn haben?»]. Несомненно, потому что я предпочел эту замену: другая вызывает во мне большую симпатию и я более высокого мнения о ее уме. В самом деле, я считаю Ирму дурой, поскольку она не приняла моего решения (meine Lösung nicht akzeptiert). Другая была бы умнее, а значит, уступила бы раньше [имеется в виду: моим советам, моему требованию — или на мои домогательства]. Рот в этом случае открывается хорошо: она бы сказала (рассказала, erzählen) больше, чем Ирма.

Фрейд дает, таким образом, пример закона. Какого закона? Закона, постановляющего истолковывать как сопротивление анализу, реше-

нию, разрешению [solution, résolution] (Lösung) всякое сомнение, недоверие, нежелание принять *ваше* решение.

(Такой закон, скажем в скобках, вписывает всякий анализ в определенную расстановку сил и всякую интерпретацию — в *политику* некоторого *polemos* и некоторого *egos*, в соблазнение со стороны определенного и нередуцируемого *poleros*, так сказать. Анализировать что бы то ни было, кого бы то ни было, для кого бы то ни было должно означать для другого: выбери мое решение, предпочти мое решение, возьми мое решение, полюби мое решение, ты пребудешь в истине, если ты не будешь сопротивляться моему решению. Зеркально-бесконечно воспроизводя эту сцену, как мне представляется, я мог бы добавить, что оспаривать неизбежную истину этой сцены, может быть, *во имя истины*, можно лишь отрицанием (*dénégation*); ей можно противопоставить только отрицание; но отрицание во имя истины — это уже не просто абы какое отрицание, отсюда зеркально-бесконечное воспроизведение — и вся проблема. О, разумеется, ученый, философ и особенно аналитик возражат на сказанное и скажут, что объективная истина, или истина бытия, или аналитическая нейтральность, как раз и лишат эмоциональной остроты этот *poleros* и этот поединок сопротивления, отвержения и присвоения; чтобы не слишком предвирать выводы, я пока скажу только, что единственным пределом этого *poleros*, этой конденсации *политического*, *polemos*, и *egos*, единственным суспенсом этого аналитического соблазнения будет другое понятие сопротивления (*résistance*), или, скорее, *останавления* <*restance*>, некий *останавлиз* <*restanalyse*>, к которому я сейчас и буду двигаться в моем выступлении и чьи предположки и следствия, я надеюсь, постепенно прояснятся. Я закрываю эти предваряющие скобки.)

Здесь дается пример закона *poleros*'а. Фрейд говорит нам, почему он предпочел бы другого, другую женщину: потому что она бы ему лучше или больше *говорила* <*elle lui aurait dit davantage*>, что по-французски означает, что она бы ему больше понравилась. Она бы ему больше пришла по вкусу, раз у нее хватило бы послушания принять его решение и не сопротивляться ему. Фрейд немало настаивает на том, что все эти вещи, начиная с раствора/решения проходят через рот, с протезом или без.

Ни разу Фрейда не посетила мысль, что сопротивление может быть в этом контексте чем-то другим, чем сопротивлением его решению, его анализу или, за пределами этого контекста и вообще, что сопротивление может быть чем-то иным, чем осмысленное сопротивление осмысленному анализу. Даже если сопротивление окончательное, оно принадлежит, как и то, чему и кому оно сопротивляется, порядку смысла и такого смысла, чья тайна есть тайна скрытая, значение — спрятанное, истина — замаскированная: поэтому подлежащие истолкованию, анализу, прояснению, объяснению.

Второе замечание: omphalos

Сразу после сравнения с двумя, тремя или четырьмя женщинами и перехода от треугольника к квадрату мы подходим, если так еще можно выразиться, к этому недоступному *топосу*. Ритмизировав свою речь интересной пунктуацией (точка с тире ясно выражают, что мы меняем порядок и план), Фрейд выдвигает свой знаменитый тезис о пупе, Nabel, сна. Этот тезис касается на сей раз не какого-то временного предела, не какого-то резервного запаса смысла, а ночи, абсолютной неизвестности, изначально, врожденно связанной с (но и отвязанной по преимуществу, поскольку от-вязанной <ab-solu> от них) сущностью и рождением сна, привязанной к месту, из которого он исходит и чье родимое пятно он хранит: пуповина, омфалическое место есть *место* некоторой *связи*, некоторый узел-шрам, хранящий память о разрыве и даже о нити, оборванной при рождении. И этот *общий* тезис, утверждение в форме безоговорочного закона, который и сам оторван от своего контекста, и отделяется от того кусочка сна, который послужил для него поводом, это утверждение, согласно которому *всякий сон, всегда* несет в себе по крайней мере одну точку, одно место (eine Stelle), один особо отмеченный *топос*, который его определяет как unergründlich, gleichsam einen Nabel: недоступный, непостижимый, непостигаемый, неанализируемый, этакий пуп, omphalos. И Фрейд добавляет, чтобы еще лучше заштопать или зашить эту вещь, что посредством этого места сон связан, завязан, привязан или подвешен [zusammengehängt: еще одна фигура узла, завязанной нити] к непознанному [mit dem Unerkannten: французский перевод дает inconnaissable, непознаваемое, вместо неизвестного, не(о)познанного, но он хорошо передает неразрешимый, нерастворимый, неразрывный, ибо абсолютный, характер этого неразвязываемого узла].

Поскольку речь здесь ведется об анализе⁶, о связи и разрыве, подчеркнем больше завязывание узлов, чем дыру, которую оно зашивает. Лакана здесь занимает, скорее, зияние и изолированное расположение дыры пупа. Читаем в начале «*Четырех фундаментальных понятий психоанализа*»: «...то, что Фрейд называет пупом — *пуп снов*, так он обозначает в конечном итоге центр неизвестного — есть не что иное (как и сам анатомический пуп, который его представляет), как то зияние, о котором мы говорили».

При этом здесь фатально выходит за рамки анализа сна тот узел, который невозможно развязать, та нить, которая даже будучи перерезанной, как пуповина, не перестает быть навсегда завязанной, на самом теле, на месте пупа. Шрам есть тот узел, с которым анализ ничего не может сделать. Этот слишком известный отрывок стóбит, однако, перечитать еще раз, и *по двум причинам*.

⁶ Имеется в виду этимология слова: *analuo* означает по-гречески «развязываю». — *Прим. перев.*

В первую очередь, не для того, чтобы не спешить перевести Deutung как анализ, но потому что пенелопова или антипенелопова задача Deutung, которая тем не менее есть анализ (Фрейд напомнил это несколькими страницами выше: начатая им интерпретация есть анализ, по крайней мере в том, что она имеет дело с частностями — он говорит по-французски «*sie ist... eine Deutung en détail* [в частном], *nicht en masse* [в целом]»), есть все же узел, развязать приходится нити и *развязать там, где произошел разрыв*. (Нам предстоит, следовательно, помыслить, как разрыв может связать или, напротив, как связь может стать самоё разрывом. И помыслить «сопротивление», исходя из необходимости того, что вовсе не *играет* с парадоксом или апорией.)

Во вторую очередь, потому что мы должны увязать этот отрывок с другим пассажем из «Толкования сновидений», который, кажется, позволяет еще теснее сжать то, что образует буквально клубок или челнок этого текста. Я имею в виду главку о «забвении снов» в начале гл. VII, посвященной «Психологии онирических процессов». Непосредственно перед этим Фрейд отмечает, что большинство снов (не все) не требуют сверхинтерпретации или сверханализа (Überdeutung) и что не все сны поддаются анагогической интерпретации (anagogische Interpretation), то есть такой интерпретации, которая, как анализ, *восходит* (ана) к самому высокому, к самому изначальному, к самому архаическому или самому глубокому. Фрейд использует здесь слово «анагогический», не свое слово. Он взял его у человека, которого он в это время отвергал и который носил красивую фамилию Зильберер⁷. Он различал между двумя типами интерпретаций. Интерпретация «психоаналитическая» (это слово Зильберера) придает сну, как говорит Фрейд, объясняя Зильберера, некоторый смысл (Sinn), обычно восходящий к детской сексуальности. Интерпретация же «анагогическая» затрагивает [большую] глубину смысла, серьезную глубь мысли (ernsthafteren, oft tiefsinnigen Gedanken), которая наполняет сон, полноту смысла, которую сон использует в качестве наполнения, текста или материала (Stoff). Чтобы освободиться от этого различия и этой терминологии, Фрейд отвечает так: не все сны требуют сверхинтерпретации (Überdeutung), они не все поддаются аналогии, предлагаемой Зильберером, которому, помимо недостаточного эмпирического основания, теперь ставится в упрек и уступка аллегорическому прочтению. Фрейд идет дальше: на вопрос, всякий ли сон следует подвергать Deutung, толкованию, следует, по его мнению, ответить «нет». И в оправдание этого «нет», он приводит сопротивления.

Этим сопротивлениям он присваивает имя, которое теперь будет повторяться из текста в текст, *Widerstände*. Но если некоторые сны

⁷ Herbert Silberer (1882–1923), венский психоаналитик из окружения Фрейда. От интерпретации сновидений перешел к исследованию связей между психологией и оккультными науками со всей связанной с ними символикой. — *Прим перев.*

не поддаются интерпретации, то не потому что у них не хватает смысла, а, наоборот, потому, что работа по толкованию (*Deutungsarbeit*) наталкивается на направленные против нее (*gegen sich*) психические силы (*psychische Mächte*), ответственные за смещения и маскировки сна. Фрейд точно определяет только что упомянутый нами вопрос. Это, говорит он, вопрос соотношения сил (*eine Frage des Kräfteverhältnisses*). Интеллектуальное любопытство (которое тоже есть некоторая сила), дисциплина, психологические знания, аналитический опыт вынуждены бороться *против* «внутренних сопротивлений» (*innere Gegenstände*). Значит, нужно справиться с этими сопротивлениями, противостоять им, выставить им антитезу.

Но, как и сопротивление, с которым мы встречаемся в анализе, это соотношение сил *имеет некоторый смысл. И некоторую истину*. Преодолевая сопротивления, мы достигаем онирических образований, исполненных смысла (*sinnreiche*). Прогресс состоит в подходе, приближении к этому смыслу (*Ahnung dieses Sinnes*⁸). Сопротивление тоже нужно интерпретировать, оно содержит в себе столько же смысла, сколько и то, чему оно сопротивляется; оно столь же наделено смыслом, а значит, оно столь же интерпретируемо, сколько и то, что оно скрывает или смещает: на деле оно обладает *тем же смыслом*, но, если можно так выразиться, диалектически и полемически противоположным.

И вот в этом моменте в риторике и аргументативной логике Фрейда происходит тот же, по крайней мере, по видимости, разрыв, что и в только что рассмотренной нами сноске, встретившейся в тексте на несколько сотен страниц выше. Вот он упомянул постепенное приближение (*Ahnung*) к смыслу, который был лишь временно удален, зачеркнут или скрыт сопротивлениями и который продолжает сулить себя анализу, маячить сквозь сами эти сопротивления, а вот уже Фрейд, кажется, устанавливает абсолютный предел этому прогрессу (который, кстати, можно перевести и экстраполировать на прогресс разума вообще), и он опять называет *omphalos*. И относительно «следует», «нужно» (*man muss*), который придает модальность этому высказыванию, трудно решить, устанавливает ли он некий непреодолимый предел как некий *Faktum* или *Fatum*, или это следование-долженствование долга, который постановляет, что *нельзя* заходить за этот предел или, если хотите, что туда *нельзя* заходить, потому что у этого нет смысла.

Разница между этими двумя модальностями колоссальна. В первом случае *Faktum* или *Fatum* *препятствует нам, не запрещая*, заходить по ту сторону, но раз речь идет о как бы внешнем препятствии, то можно предположить, что по ту сторону имеется смысл, что есть смысл заходить за предел, даже если мы не можем этого сделать фактически. Во втором случае предел, запрещающий нам заходить по ту сто-

⁸ Букв.: угадывание, предчувствие этого смысла. — *Прим перев.*

рону, носит структурный характер и, следовательно, оставляет вопрос о тамошнем смысле открытым. Но лучше перевести этот отрывок:

В наилучшим образом проанализированных снах нужно (man muss) часто оставить в тени определенную зону [место, eine Stelle: muss man oft eine Stelle im Dunkel lassen], поскольку в ходе интерпретации заметишь, что один клубок [как клубок шерсти, Knäuel] приснившихся мыслей не хочет разматываться (распутываться, der sich nicht entwirren will]), но он ничего дополнительного и не добавил в наше понимание содержания сна. Это и есть пуп сна (der Nabel des Traums), место, где он сообщается с неизвестным. Мысли сна, которые мы встречаем в ходе интерпретации должны остаться [müssen bleiben, опять-таки], вообще говоря, без вывода, без ограничения, без конца, без завершения (ohne Abschluss), и они должны устремляться со всех сторон в сеть разветвленных переплетений (in die netzartige Verstrickung) нашего мыслительного мира. В самом густом месте этого сплетения (Geflecht) и прорывается желание сна, как гриб в своей грибнице.

В мудреном сплетении собственной ткани этот текст остается столь же загадочным, как и то, чему он посвящен, omphalos. Он бесконечно отражается сам в себе. Отметим то, что касается нашего мотива: анализа.

1. Прежде всего имеется это беспрестанное настаивание текста на текстуре переплетенных нитей, на нераспутываемом клубке узлов: это Geflecht, сплетение, слово, канву или цепочку которого Хайдеггер проследил до самых решающих мест мысли; это и die netzartige Verstrickung, и Knäuel, и Nabel и т.д. Эта плотность риторики нити и узла интересует нас прежде всего тем, к чему она взывает и чему бросает вызов, а именно анализу как методической операции распутывания и технике развязывания. Речь об умении плести нити, тянуть за нити, соответственно тому искусству ткача, из которого *Политик* Платона сделал парадигму царя: для аналитического разделения (diairesis), для диалектики, для царской науки (hê basilikê tekhnê, 311c) политика. Отсылая вас к соответствующей части прекрасной книги Самюэла Вебера «*Легенда о Фрейте*»⁹, который с другой стороны тщательно изучает переплетения этих фигур пуповинных переплетений, я не забываю, что Weber по-немецки означает «ткач» (восходя к, возможно, общей этимологии с греческими huphê, huphen или huphainô для ткани и ткачества) и что принятый за Фауста Мефистофель (как нам напомнил в начале выступления Мигуэль Джустини) сравнивал «производство мыслей» с Weber-Meisterstück, с шедевром ткача, срабатывающего тысячи нитей (Fäden), играющего челноком (Schifflein), образующего тысячи связей и узлов (Verbindungen) одним махом (Schlag).

⁹ Weber S. Freud-Legende: drei Studien zum psychoanalytischen Denken. — Olten: Walter-Verl., 1979. Особенно S. 91f.; или The Legend of Freud. — Univ. of Minnesota Press. P. 65f.

2. Другое замечание касается того, что этим местом рождения объявляется соответствующее сну желание. Фрейд говорит нам, что желание, (ра)скрываемое сном, встает, растет, возникает (*erhebt sich*) в точке самого густого *Geflecht*, сплетения, как гриб из своей грибницы. Точкой происхождения этого желания и будет, следовательно, то место, где должен остановиться анализ, место, которое следует оставить в темноте (*muss man im Dunkel lassen*). И это место будет узлом или запутавшейся тканью, короче говоря, неанализируемым синтезом.

3. Последнее замечание в виде разделенного вопроса затронет в целом эту *топикку*. Вопрос, который я намеренно оставлю открытым, делится на такие:

А. Не является ли этот предел анализа не местом происхождения онирического желания, а некоторым сопротивлением анализу (сопротивлением временным и включенным в архивируемую историю: Фрейд, например, сам только что рассказал о том, что спустя много лет ему удалось гораздо легче истолковать определенные сны, записи которых у него сохранились, потому что с тех пор он преодолел определенные сопротивления (*Widerstände*) в своей внутренней жизни)? Или же этот предел анализа как бы нередуцируемо и аисторически связан со структурой онирического желания, которое должно родиться, подобно грибу, в обреченной на темноту точке самого большого сгущения некоторого переплетения? Две эти первые гипотезы, перенесенные в историю разума, отличаются, как, с одной стороны, прогрессизм Просвещения с его упованием на анализ, постепенно побеждающий тьму по мере преодоления сопротивления, освобождения, раскрепощения, эмансипации, как и положено любому анализу, и, с другой стороны, некий фатализм или пессимизм желания, считающегося с некоторой долей темноты и рассматривающего неанализируемое как свой собственный ресурс.

Б. Но в обеих гипотезах первый вопрос делится еще, он анализируется, если хотите: в обоих случаях можно задаться вопросами, не является ли не-разрешимый узел, пуповина, каким-то смысловым материалом или же он остается радикально чужеродным в самой своей тайне, в смысле означаемого, как, впрочем, и означающего; и не является ли то, что временно или окончательно приводит аналитика в отчаяние, гомогенным пространству аналитической работы, работе по толкованию (*Deutungsarbeit*).

У нас не хватит ни времени, ни средств обсудить здесь эту саму по себе упорядоченную серию гипотез, особенно применительно к текстам Фрейда. Для этого надо было бы внимательно прочитать, среди прочего, все предыдущие и последующие тексты Фрейда о сопротивлении. Надо было бы учесть тот факт, что психоанализ начался с анализа сопротивления гипнотическому внушению. Как раз решив, что противовнушение, которым пациент защищается от гипноза, имеет полное право на существование и что, кстати говоря, это законное сопротивление

непреодолимо, Фрейд и, так сказать, изобрел психоанализ, то есть технику, принципиально не гипнотическую; не то чтобы она была совсем свободна от насилия (вспомните только что сказанное о соотношении сил), но в принципе озабоченная новой этикой анализа. Уже начиная с «Исследований истерии» Фрейд предлагает целый перечень сопротивлений анализу, то есть тех видов защиты, которые предстоит преодолеть, когда некоторое представление вытеснено вне сознания и вне памяти, «вроде бы не оставив следов». Но, как говорит Фрейд, «след должен быть». «Пытаясь направить на этот след внимание пациента, я чувствовал эту силу отталкивания, ту же самую, которая проявилась в виде отказа во время рождения симптома, на этот раз в виде сопротивления»¹⁰. То есть анализу сопротивляется след. И объясняя успех того, что он называет «техникой давления» против «сопротивления ассоциациям» (давления руки на лоб со строгим предписанием говорить, сообщать об образах и идеях, приходящих в голову, с настойчивым запретом на молчание), Фрейд предлагает своего рода каталог «всех форм, которые принимает сопротивление». Когда сопротивление длится, когда нам не удастся превратить пациента, сопротивляющегося, в «сотрудника» (Фрейд сам употребляет это слово), которому мы вручаем объяснения и у которого мы пытаемся вызвать объективный исследовательский интерес к себе самому (следовательно, уже заменяя один мотив другим), когда нам не удастся «подавить сопротивление, основанное на аффективности», то «самым мощным рычагом» становится: «поняв истинные мотивы этой защиты [то есть этого „сопротивления“], принизить их или даже заменить их другими, превосходящими их по силе».

Таким образом, стоит задача не просто поставить обнаруженную истину на место того, что ей сопротивлялось, а привести [пациента] к большему осознанию, путем вмешательства в расстановку сил, активно и энергично используя антисопротивления, другие противостоящие силы. Фрейд всегда настаивал, что сопротивление не устраняется простым обнаружением истины или простым открытием перед пациентом подлинного смысла его симптома. В силу этого анализ сопротивления состоит не в теоретическом объяснении происхождения и составляющих защитного симптома, но в его развязывающем растворении; это анализ сопротивления практический, эффективный и аффективный, в результате которого сопротивление теряет силу и место: нужно его не просто понять и сообщить в его *интеллигибельности*, но изменить, перевести, преобразить.

Дело идет, таким образом, о смысле и истине.

На этой ступени, говорит Фрейд, уже нет никаких общих правил; уже невозможно формализовать эту аналитическую технику как технику

¹⁰ Freud S., Breuer J. Studien über Hysterie. P.217 (французского перевода).

антисопротивлений. Фраза, которую я сейчас приведу, может относиться ко всему полю интересов анализа *как психоанализа*, то есть ко всем дисциплинам и всем дискурсивным ситуациям, в которых затрагивается вопрос об анализе: преподавание, например философии, со всеми его аналитическими и диалектическими проблемами, о которых так хорошо говорил Мигуэль Джусты, и со всем его идеалом Разума и Просвещения, но также и религия с ее заботой об истине и о признании [в грехе], которая отлилась, например, в институте исповеди:

Здесь, несомненно, кончается возможность выразить психотерапевтическую практику в формулах. Мы действуем, насколько это возможно, облачаясь то в учителя, там, где невежество вызывает какие-то страхи, то в профессора, когда мы обрисовываем свободное, возвышенное и зрело продуманное мировоззрение, то, наконец, в исповедника, который своим непрерывным расположением и уважением к пациенту (в том числе и после исповеди) дает ему своего рода отпущение грехов.

Но если от сопротивления нельзя избавиться простым обнаружением его смысла, то его можно преодолеть — по ту сторону любых дискурсивных и интеллектуальных ситуаций, относящихся к порядку представляющего сознания, — лишь привнесением аффективного фактора. Фрейд настаивает сразу после этого:

Наряду с интеллектуальными факторами, к которым мы обращаемся для преодоления сопротивления, свою роль играет и фактор аффективный, без которого редко можно обойтись. Я говорю о личности врача, и во многих случаях только она способна снять сопротивление. Здесь, как и везде в медицине и в любых терапевтических методах, невозможно полностью отказаться от воздействия этого личного фактора.

В контексте нашей дискуссии это затрагивает всю философскую историю анализа, начиная с царского ткача платоновской диалектики до гегелевской диалектики предпосылки-предисловия, от топик и аналитик Аристотеля до трансцендентальной аналитики и до синтетического суждения априори Канта: вся эта история философии как таковая должна принадлежать к ряду представления или идеального сознания; она не смогла бы, по крайней мере как таковая, эффективно и аффективно вмешаться *решающим образом*, чтобы преодолеть всяческое сопротивление. Два этих анализа должны остаться разнородными. Проблематика философского анализа — или всё то, типом и моделью чего он является, — может в лучшем случае и *в той мере, в которой* в этот философский анализ вложены желания и мотивировки, *содействовать* снятию подобных сопротивлений.

Хотелось бы думать поэтому, что событие психоанализа было пришествием, явлением, под тем же именем, *иного понятия анализа*. Понятия, отличного от того, который был в ходу в истории философии, логики, науки. И что вместе с ним произошло определенное топическое пере-

мещение в другие понятия, системно с ним связанные. И, для начала, в понятие истины. Существует ли некоторая традиция анализа вообще? Если бы не было единства аналитического понятия, то не было бы и традиции, философии психоанализа. Никакой традиции, ни единой.

Но дело обстоит, наверняка, не так просто. И по многим причинам.

1. Под старым именем, под палеонимом «анализ» Фрейд наверняка не ввел и не изобрел какое-то совершенно новое понятие (если такое вообще бывает). Кто, кроме Бога, когда-либо *создал* (что называется «создал») некоторое понятие? Фрейду оно понадобилось, прежде всего чтобы его услышали и чтобы унаследовать определенную традицию. И ему в особенности нужно было сохранить *два мотива*, составляющих любое понятие, связанное с анализом.

Взаимодействие двух этих мотивов видно уже в самой фигуре, предлагаемой греческим языком, а именно в *analuein*. Это, с одной стороны, мотив, которому можно дать имя *археологического* или *анагогического* как он выражается в префиксе *ана-* (регулярное восхождение к основному, к самому изначальному, к самому простому, элементарному, к более не разложимому), и, с другой стороны, мотив, который можно назвать *литическим*, *литологическим* или *филолитическим* как он обозначается в *lysis*: разложение, отвязывание, развязка, избавление, (раз)решение, упразднение или отпущение и вместе с тем окончательное завершение, ибо *археологический* мотив анализа сопровождается здесь движением *эсхатологическим*, как если бы анализ нес в себе конечную смерть и последнее слово, подобно тому, как археологический мотив в поисках изначального обращается к рождению.

2. Унаследовав оба мотива этой аксиоматики — это одновременно и мотивы самой науки, равно как и философии, — Фрейд не мог (да и не хотел) основать некое *новое понятие анализа*. Ему пришлось оправдывать свою логику и свою институцию перед судом традиционного анализа, перед его нормами и его законом. В этом отношении его дискурс остается подсудным с точки зрения всех тех логико-эпистемологических вопросов, о которых мы только что говорили.

3. Если всё так *запутано*, если *Geflecht* сказывается на всех аспектах этой исторической ситуации, то происходит это потому, что переплетенность понятия психоанализа с традиционным понятием анализа столь нераспутываема — и не по одним только указанным нами причинам. Если предположить, что психоанализ развился не только как анализ индивидуальных психических сопротивлений, но и как практический анализ сопротивлений культурных, политических и социальных, представленных в господствующих дискурсах и особенно в формах их философского или научного знания, то, чтобы эта история образо-

вала *одну* историю и чтобы она объединилась с *одной традицией*, надо было бы, чтобы сам психоанализ имел *единое* понятие сопротивления, его логики и его топике.

Однако такого никогда не было. Такова, по крайней мере, моя гипотеза.

Если верно, что понятие *сопротивления анализу* не может быть унифицировано, и не по случайным причинам, то и понятия анализа и анализа психоаналитического, да и само понятие *психоанализа* постигает та же судьба. Поскольку сам психоанализ определился в условиях враждебности и по отношению к тому, что ему сопротивлялось, то психоанализ никогда не объединится в некое единство понятия или задачи. Если нет *одного* сопротивления, то не будет и одного-единственного психоанализа, понимай его как систему теоретических норм или как хартию институциональных практик.

Если всё так и есть, эта ситуация не обязательно означает провал. Здесь кроется и шанс на удачу, и не надо делать из этого драмы. Не думаю, что нужно превращать это разъединение в плохую драму, ни в этом, ни в других случаях. Неспособность объединиться, идентифицироваться, слиться, это, конечно, может быть, даже и трагедия, но это и шанс; и драмы из этого делать не стоит не только потому, что это бесполезно: это и абсолютно неверно по сути, что касается этого союза судьбы (т. е. трагедии) и шанса как возможного или случайного.

Сказать, что психоанализ не обладает одним понятием того, что он есть такое, в своем самоуяснении, потому что он не может дать себе одно понятие сопротивления, вовсе не означает описать некоторый паралич психоанализа, по крайней мере, в банальном и негативном смысле паралича (ибо у *парализа* имеется еще и иная логика, которую я некогда отличил от логики анализа¹¹). Всё это придает движение, всё это заставляет думать и двигаться — и по поводу самоинтерпретации или, если предпочитаете, самоанализа психоанализа, но и по поводу *его* другого, того его противника, которому он противостоит, и по поводу сопротивления традиционного понятия психоанализа, против которого он выступил.

При этом эта невозможность объединить понятие сопротивления и установить место его настойчивого появления никогда не была секретом, и прежде всего от самого Фрейда. Помимо начальных колебаний, которые мы выявили в «*Исследованиях по истерии*» или в «*Толковании сновидений*», мы знаем, что и гораздо позже, в частности в «*Дополнениях*» к «*Торможению, симптому, тревоге*» (1926), Фрейд различает целых *пять* типов сопротивления. И эти типы требуют весьма разных аналитических стратегий. Они отличаются по топике и динамике, и они имеют коррелятом *пять* топико-динамических регуляций анализа.

¹¹ «Pas» in «Parages». — Paris: Galilée 1986. P. 74 и вокруг.

Три из этих типов сопротивления происходят от Эго, Оно и Суперэго. Что касается тех, что исходят от Эго (иначе говоря, от эгологического субъекта или от *cogito*, которое необязательно целиком и полностью сознательно, то их тоже три сорта: один связан с вытеснением, и он чаще всего обсуждается Фрейдом, другой обусловлен трансфером, и он иногда запускает вытеснение, закрепляет его вместо того, что его вспомнить. Третье, эгологическое сопротивление, наконец, обладающее совершенно другой природой, интегрирует симптом в Эго и ищет свою выгоду в болезни (кстати, скажу я вам апарте, а кто этого не делает? Какое Эго не учреждается и не длится в согласии с этой формой сопротивления? На какое смутное понятие болезни можно положиться, чтобы описать эту хитрость как некоторую интересную уникальную особенность?).

Мы имеем здесь дело с виртуальной программой перевода всех этих возможностей сопротивления на уровень философского и научного Эго и вообще на уровень того, что можно было бы назвать когито аналитического человека *homo analyticus*.

Что касается сопротивления, исходящего из Оно, оно требует той аналитической работы, которую Фрейд называет *Durcharbeitung* (проработка, перлаборация: *working through* было бы яснее, более аналитично, более по-французски). Случается, что на этом трудном пути субъект «погрязает в сопротивлении», как говорит Фрейд. Вытеснение всё еще упирается, настаивает, сопротивляется, тогда как сопротивление эго уже снято. Уже по этому видно, что интеллектуального, теоретического, философского, идеального и идеального принятия аналитической интерпретации не достаточно для снятия вытеснения, этого, по Фрейду, конечного источника сопротивления. Остается преодолеть только навязчивое повторение, к которому мы вскоре вернемся, поскольку оно заслуживает, как мне представляется, особой участи. Наконец, Фрейд приводит пятое сопротивление, сопротивление суперэго, которое противопоставляет выздоровлению вину: потребность быть наказанным может стать неотступной, исповедальное признание или интерпретация могут скользить по поверхности или вертеться вокруг этого сопротивления.

Все эти организованные сопротивления можно различить логическим, концептуальным, методическим анализом, но на самом деле они взаимопереплетаются и взаимообуславливаются. Особенно (и здесь кроется, на мой взгляд, самый резкий разрыв) когда мы пытаемся определить единство этого понятия, которое служит семантическим цоколем или парадигматическим референтом всем пяти типам сопротивления, то мы наталкиваемся на «сопротивление анализу», которое и оказывается наиболее стойким из сопротивлений, сопротивлением по преимуществу, сопротивлением гиперболическим и вместе с тем сопротивлением, дезорганизирующим сам принцип, саму конститутивную идею психоанализа как анализа сопротивлений. (Нет ничего удивитель-

ного в этой логике, примеры которой мы встречаем и в иных областях: принцип серии трансцендентен ей самой, и ускользая от смысла, который он сам ей придает, он умудряется лишит смысла то самое, чему он придает смысл.) Можно сказать, что многообразие сопротивлений не обязательно угрожает самому понятию сопротивления. Оно оказывается одним родом с многочисленными видами. Единство его времени и места, его действенность даже подтверждаются этим рассеянием: его, именно его мы и находим везде.

Но чтобы определить этот общий смысл, необходимо следовать за путеводной нитью самого сильного, а точнее неустранимого, сопротивления. При этом, однако, несомненно, что, по мнению Фрейда, эту роль играет мания повторения (*Wiederholungszwang*). Именно она (и всё, что можно назвать этим термином) вызывает проработку, или переработку *<perlaboration, Durcharbeiten>*, как только снято идеальное, понятийное или философско-теоретическое сопротивление; и она же может обречь эту самую проработку на неудачу. Фрейд предлагает даже назвать ее («если угодно», как он говорит) просто-напросто сопротивлением самого бессознательного.

Интересующий меня здесь парадокс заключается в том, что эта мания повторения, будучи гиперболизированной парадигмой серии и абсолютным сопротивлением, вполне может разрушить смысл серии, которой он, собственно, должен был придать смысл (это как бы некоторый формально-логический эффект, я об этом только что упоминал), но еще более иронично он устанавливает, несомненно, что сопротивление *не имеет смысла* — да и сопротивления тоже никакого нет.

То, что здесь сопротивляется, я бы сказал, это некоторое не-сопротивление. Я не могу здесь начать анализировать (я это сделал в другом месте, в «Почтовой открытке») этот странный текст о «демонической» мании повторения, о разрыве-освобождении и влечении к смерти и, в конечном итоге, об аналитическом (т. е. регрессивном, разъединяющем, асоциальном и освобождающем) характере мании повторения. Она связывает два существенных мотива всякого *analysis*, движение регрессивное, или археотропическое, и движение рассоединения, толкающее к разрушению, которому нравится разрушать, рассоединяя, — вот почему я его только что назвал *филолитическим*. Вот двойная причина, по которой мания повторения не придает смысла четырем другим сопротивлениям: она не имеет смысла (влечение к смерти) и она сопротивляется анализу в виде не-сопротивления: в силу первой причины она *сама по структуре и призванию аналитична*. И некоторым захочется вывести из этого, что психоанализ ей гомогенен и что психоаналитические теория, клиника и институция являют собой влечение к смерти или манию повторения *в действии*. На это необязательно сетовать, и это позволило бы признать между аналитикой, демонией и танатологией родство, на которое уже наводили нас в начале нашего сеанса Мефистофель и Гегель. Это предложение можно было бы вывернуть наиз-

нанку и высказать его без изменения в такой форме: мания повторения, гиперболическое сопротивление не-сопротивления само по себе *аналитично*, она есть то, сопротивлением чего является сегодня психоанализ, в самой надежной своей хитрости: переодевшись в не-сопротивление. Мы опять вернулись к самой пуповине сна, к тому самому месту, где желание смерти и просто желание называют, взывают к анализу, который они запрещают, называют молча, отвечают без ответа, не говоря ни *да* ни *нет*, не принимая и не отвергая, всё-таки говоря, но ничего не высказывая, ни «*да*» ни «*нет*», как *Bartleby the Scrivener*¹². На любую просьбу, вопрос, давление, жалобу, приказ он отвечает не отвечая, ни пассивно ни активно: «*I would prefer no to*», я бы предпочел не... Те, кто читал эту маленькую книжку колоссального Мелвилла, знают, что Бартлби выступает, конечно, фигурой смерти, но и что он, кроме того, ничего не говоря, заставляет говорить других, и прежде всего самого рассказчика, который проявляет себя весьма ответственным юристом и неутомимым аналитиком. И даже, по сути, неизлечимым. Бартлби заставляет говорить аналитика как рассказчика и как юриста. Бартлби — это еще и главный секрет литературы. Особенно там, где он заставляет говорить (иными словами, шантажирует) психоанализ. «Там, где» — самое место сопротивления. Сопротивления психоанализа — психоанализу. Сам психоанализ. Уже непонятно, кто анализирует чей секрет: «дó смерти». И юрист упоминает вслух, будто бы Бартлби когда-то состоял младшим клерком в отделе *dead letters* [невостребованных писем] в Вашингтоне.

Потому-то я и задаюсь вопросом, почему мои выяснения отношений с анализом вообще и психоанализом в частности всегда отдавали (хотя это и не оригинально) привкусом смерти, ожидающей в невостребованной корреспонденции, который заставлял меня без конца блуждать (в компании с еще несколькими мне подобными) в окрестностях «*По ту сторону принципа удовольствия*».

Перевод Михаила Маяцкого

¹² Заглавный герой повести Германа Мелвилла «Писец Бартлби» (1853). — *Прим перев.*